

П. Басинский

«Бездны мрачной на краю...»

(Судьба Леонида Андреева)

Судя по воспоминаниям М. Горького, Леонид Андреев не любил эти знаменитые пушкинские строки:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...

« — Нет, это, должно быть, не так. Почти все дети боятся темноты, — говорил он... — Это «красное словцо», не больше. Я думаю как-то иначе, только не могу понять — как? — И вдруг вострепнулся весь, как бы обожжен внутренним огнем. — Следует написать рассказ о человеке, который всю жизнь, — безумно страдая, — искал истину, и вот она явилась пред ним, но он закрыл глаза, заткнул уши и сказал: “Не хочу тебя, даже если ты прекрасна, потому что жизнь моя, муки мои — зажгли в душе ненависть к тебе”».

В этих словах — весь парадокс жизненного и творческого пути Леонида Андреева, человека и писателя, который не хотел принимать истину именно потому, что она прекрасна, но жизнь, реальная жизнь людей — страшна. Казалось бы, если жизнь действительно страшна, тем более следует верить в прекрасное, пусть и не существующее здесь и теперь, но хотя бы обещанное человеку в будущем — неважно, заключено ли это в бессмертии, как обещают все мировые религии, или в совершенном общественном строе, как обещают нам всевозможные социальные проекты, от коммунизма до мировой демократии.

Это ведь так естественно для человека — не мириться с неизбежностью (например, неизбежностью смерти), но надеяться и верить! Однако Леонид Андреев почему-то именно не хотел мириться с верой и предпочитал смотреть в лицо неизбежности. В этом парадоксальность его творчества. Его можно сравнить с евреем из толпы, которую Моисей после сорока лет странствий по пустыне привел, наконец, в землю обетованную и который бы, представим на миг, отказался перешагнуть заветный рубеж и один вернулся назад, в пустыню. Его можно сравнить — опять-таки представив на миг — с Фомой неверующим из Нового Завета, который, даже увидев воочию чудо воскресшего Иисуса, повернулся бы спиной и остался наедине с сомнениями.

И здесь лежит пропасть, разделяющая Андреева с его самым близким другом, а затем врагом на долгие годы — Максимом Горьким. Горький не был христианином, но был человеком верующим. Он верил в Человека, в коллективный разум, в «религиозное, весь мир связующее значение труда»; и если даже жизнь опровергала то, во что он верил и призывал верить остальных, он продолжал верить в необходимость самой веры, понимая, что человек без веры — мертв. В этом смысл горьковского идеализма, без которого мы никогда не поймем его как художника и общественного деятеля. Андреев — полная противоположность Горькому. Если Горький видел человека «на дне» и призывал его поднять голову, дабы увидеть свет, то Андреев замечал, как под человеком открывается «бездна» и поглощает его вопреки воле и разуму, как это случилось со студентом в рассказе «Бездна»: «И черная бездна поглотила его». Он не в состоянии противиться «зверю», который сидит в нем и который вынуждает совершить чудовищный поступок: надругаться над любимой девушкой. Многие расценили этот рассказ как издевательство над природой человека; но разве Андреев — лгал? Разве газеты (а теперь и ТВ) не сообщают нам о страшных и порой совершенно необъяснимых преступлениях, которые совершают внешне довольно благополучные и образованные люди?

Не потому ли Андреев и был полузапрещен в советские годы, что он изображал зло и преступление не как нечто вытекающее из определенного социального строя, но как

вневременное, постоянное, присущее вообще людям? Чтение этого писателя — сродни хождению по заминированному полю: ходить по нему опасно, но, не научившись различать мины, мы можем подорваться на случайной, залетевшей на вполне мирную территорию. Вслед за Достоевским Андреев пожелал разобраться в глубинах человеческого зла; но, в отличие от Достоевского, он так и не обрел света, не вынырнул на поверхность, так и остался в своем «проклятом» мире. Как если бы Данте не дописал «Божественной комедии», и мы читали бы только «Ад», ничего не зная ни о «Чистилище», ни о «Рае». Конечно, в этом слабость Андреева, но и странное его преимущество: никто из писателей не дал такой картины концентрированного метафизического зла, как автор «Стены» и «Бездны», «Красного смеха» и «Жизни Василия Фивейского». И мы должны быть благодарны писателю, который за нас проделал этот путь — честного интеллектуального исследования зла — и показал нам «зону», где находиться опасно. Но если, тем не менее, человек оказался в этой «зоне» (а такое может произойти с каждым), он по крайней мере имеет «путеводитель» и может выбраться из лабиринта — в том только, разумеется, случае, когда он сам хочет этого.

Леонид Николаевич Андреев родился 9 (21) августа 1871 в городе Орле в семье частного землемера Николая Ивановича Андреева и обедневшей дворянки из польского рода Анастасии Николаевны Пацковской. И хотя отец страдал запоями (подарив сыну наследственный алкоголизм, от которого он долго и трудно излечивался), семья при нем жила в сравнительном достатке: был свой дом и огромный сад. Тем не менее скука и пошлость провинциальной жизни очень рано приобщили мальчика к чтению, и притом литературы «экзотической», приключенческой: Майн Рид, Фенимор Купер, Жюль Верн. Но «Коточка» (так звали его в семье) не просто читал; уже тогда в нем пробудилась страсть к «декоративности» и театральная талант; он старался всячески разыгрывать процесс чтения, смешивая фантазию и действительность. Позже брат Леонида Андреева, Андрей Николаевич, вспоминал: «Голый и вымазанный в сажу, Коточка разваливался на полу среди развешанных на стульях одеял и вздыбленных подушек, с копьём в руке, с пером в волосах... В таком “вигваме” он ждал обычно Купера. И читал его здесь же, лежа: ведь нигде не сказано, чтобы индейцы сживали за столом, покрытым скатертью».

Но боготворил он и Диккенса, что осталось на всю жизнь и нашло отражение в творчестве — особенно раннем.

В 1882 Андреев поступил в классическую гимназию. За гордый и сумрачный вид товарищи прозвали его «герцогом». Здесь он обратился к чтению иного рода, которым увлекалась тогдашняя молодежь: статьи Писарева, «В чем моя вера?» Л. Толстого, философия Гартмана и Шопенгауэра. В то же время зачем-то «вызубрил наизусть» «Учение о пище» популярного тогда Молешотта.

Легко заметить, что юношу тянуло к «отрицателям»; ведь и «В чем моя вера?» — статья, отрицающая православную церковь и традиционное христианство. И вот в дневнике Андреева появляется запись, где он обещает, что непременно станет «знаменитым писателем и своими писаниями разрушит и мораль, и установившиеся человеческие отношения, разрушит любовь и религию и закончит свою жизнь всеразрушением». Не правда ли, сильно — для детского почти дневника!

(Однако, забегаая вперед, заметим, что «программу» свою Андреев не выполнил — да и можно ли ее выполнить? Последней его завершенной вещью была статья «S. O. S.!»), что значит «Save Our Souls!» — «Спасите Наши Души!». Такой сигнал посылают с гибнущего корабля. Андреев обращался к мировому обществу с призывом спасти Россию, которая терпела катастрофу в революции. Значит — не все он отрицал! И не о своей ли собственной душе посылал сигнал в невидимые пространства? Мы не знаем об этом. Но последним произведением «разрушителя» был крик о спасении.)

Юность Андреева была очень бурной. Он бесконечно влюблялся и тяжело переживал разрывы с любимыми — вплоть до попыток самоубийства. Вместе с другими подростками ложился между рельсов железной дороги и ждал проходящего поезда, чтобы

испытать сладкий ужас от проносющейся в нескольких сантиметрах от головы грохочущей громады. Много пил — уже в Петербургском и Московском университетах, где учился на юридическом факультете, — и даже оставил в среде московского студенчества легенду: пить «по-андреевски».

Но не надо думать, что он был баловнем судьбы. После смерти отца многодетная семья Андреевых бедствовала, и «Коточка», как старший, кормил ее, подрабатывая, в частности, рисованием портретов на заказ. Андреев оставил после себя превосходные картины, а перед самой смертью увлекся еще и цветной фотографией — тогда это было редкостью во всем мире. Благодаря его заработкам учились в гимназиях младшие братья и сестры.

Закончив университет, Андреев стал зарабатывать в качестве судебного хроникера и писать очерки в разные газеты, в том числе в московскую газету «Курьер», где печатался под забавными псевдонимами «Джемс Линч» и «Л-ев».

К счастью, именно в «Курьере» собрался выдающийся круг сотрудников: Чехов и Горький, Вересаев и Станюкович, Телешов и Бунин, Гиляровский и Серафимович. Горький и заметил одним из первых талант молодого журналиста, когда 5 апреля 1898 в «Курьере» был напечатан рассказ Леонида Андреева «Баргамот и Гараська». Прочитав рассказ, он сказал: «Черт знает, что такое... Я довольно знаю писательские штуки, как вогнать в слезу читателя, а сам попался на удочку: нехотя слеза прошибла...» Но он заметил и другое: «умненькую улыбочку недоверия к факту», что было совсем странно, ведь рассказ-то был «пасхальный», написанный по заказу и обязанный возбудить в читателе «жалость к ближним». Парадоксальность андреевского таланта проявилась в первой состоявшейся его вещи, только писатель еще не делал это сознательно; и надо было обладать чутьем Горького, чтобы это заметить.

После «Баргамота», во многом благодаря поддержке Горького, рекомендовавшего Андреева в лучшие столичные журналы, а затем выпустившего сборник его рассказов в издательстве «Знание», молодой прозаик стремительно становится известным. Его имя произносят в первом ряду «новых реалистов», собравшихся вокруг «Знания» и организовавших свой московский кружок под названием «Среда». Название шло от собраний по средам на квартире писателя Н. Телешова, куда приходили Леонид Андреев, Бунин, Чириков, Серафимович, Вересаев, Куприн, Зайцев; из Петербурга — наездами — Горький и Шаляпин. Иногда кружок посещал и Чехов. Известность этого круга писателей росла с невероятной скоростью; их коллективные сборники быстро раскупались, в 1910-е годы многие из них имели собственные «собрания сочинений». Популярность Андреева почти достигала популярности Горького; некоторые критики ставили его даже выше и писали, что как 1880-е годы прошли под знаком Чехова и 1890-е — под знаком Горького, так 1900-е годы проходят под знаком Леонида Андреева.

Иначе было в личной жизни этого человека. Слава и деньги не приносили ему счастья, хотя, по верному замечанию Горького, он не только не бежал от них, но, быть может, слишком от них зависел. Да, Андреев всю жизнь хотел славы и хотел быть богатым. Возможно, причиной тому были воспоминания о горькой юности; да и теперь, по признанию матери, он оставался «кормильцем» семьи. Показательно, что, будучи всемирно признанным художником, он оставался все таким же орловским домоседом: любил сживать с матерью за самоваром и пить чашку за чашкой. В Финляндии он выстроил себе роскошный особняк в «декадентском» стиле, где камин был в человеческий рост и все было огромным и преувеличенным. Но и здесь сохранился орловско-московский быт: знаменитый самовар и тихие посиделки. Да и сама внешность Андреева как-то не вязалась с его «страшной» прозой: он был медлителен, мешковат и очень прост в общении с домашними. И только бархатная куртка, описанная Горьким в «Жизни Клима Самгина», напоминала о том, что перед вами — «свободный художник».

Андреев во всем был парадоксален. Известен и несчастен. Вначале ему повезло, и его полюбила замечательная женщина — Александра Михайловна Велигорская («дама Шура», как шутливо называл ее Горький). Она четыре года (1902–1906, но познакомились

они еще в 1896) была «ангелом хранителем» писателя. В это время он пишет свои лучшие вещи: «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех», «Савва», «Жизнь Человека» и другие. Однако в 1906 году в Берлине Александра Михайловна умерла от послеродовой горячки, подарив миру одного из самых загадочных людей XX столетия — второго сына Леонида Николаевича, Даниила Андреева — поэта, мистика, визионера, написавшего в сталинской тюрьме философско-поэтический и историософский трактат «Роза мира».

Андреев невероятно тяжело переживал смерть жены, вновь оказавшись в одиночестве. Он немного оправился лишь на Капри, где в феврале 1907 написал «Иуду Искарота». По выражению Горького, «этим рассказом он начал один из наиболее плодотворных периодов своего творчества». Вслед за этим появляются «Мои записки» — до сих пор недооцененное произведение Андреева, на много лет вперед предвосхитившее «Замок» Кафки и «Приглашение на казнь» Набокова.

Это очень важно для Андреева — *предвосхищать*. Он был гением великих замыслов и автором не всегда удачных исполнений. Сила его фантазии и интуиции была чудовищна, но именно поэтому он не мог стать совершенным художником. Замысел в его творчестве доминирует над исполнением. Можно предположить, что замыслы Андреева были так велики, что их исполнение было заведомо невозможным. Это все равно что поместить океан в чайную чашку и помешать ложечкой. Андреев догадывался об этом и мучился как художник. Так и не завершённой осталась его последняя вещь — «Дневник Сатаны», которая по замыслу напоминает «Мастера и Маргариту» Булгакова: та же тема вочеловечения дьявола и его «прогулок» по миру. Но то, что Булгаков воплотил в шедевр, Андреев оставил нам в незаконченном виде. Это очень характерно для него.

Корней Чуковский как-то заметил: в отличие от многих художников Андреев пишет не кисточкой, а малярной кистью. Другой бы писатель обиделся. Андреева это сравнение восхитило. Он и в самом деле писал широко, размашисто, не слишком заботясь об отделке деталей, но стремясь донести до читателя главное настроение — ужаса или восторга. Специалисты уже отметили, что в своей поэтике Андреев предвосхитил направление европейского «экспрессионизма», возникшее среди художников Германии в период первой мировой войны. Он также предугадал находки русского футуризма с гиперболами Маяковского и театр французского экзистенциализма (Сартр). Но сам Андреев об этих «измах» еще не знал; да он и не очень интересовался «измами». Он гений случайных, интуитивных открытий. И все-таки европейский и русский авангард не должен забывать о нем — как о «первой любви».

Он скончался от болезни сердца в Финляндии, в деревне Нейвола, 12 сентября 1919 года. Забытый своей родиной, где полыхала революция и интеллигенция обеих столиц погибала от голода. Не признанный русской эмиграцией, которая связывала имя Андреева с Горьким и не слишком высоко ценила его писательский талант, предпочитая более тонкий дар Бунина и более спокойный — Куприна. Русская эмиграция в Финляндии была не очень многочисленной и очень далекой от художественных интересов. Тело Андреева лежало в часовне местной церкви, и только мать приходила к нему... читать своему «Коточке» все еще приходившие в их дом газеты — она никак не могла поверить, что сына больше нет. В его кабинете ее и нашли однажды на полу мертвой. В самых страшных рассказах Андреева мы не найдем такого страшного конца. Ведь он хотя и очень талантливый, но искусственный писатель. Настоящие жизнь и смерть оказались серьезнее и страшнее его произведений.

Но и в этом противоречии есть что-то «андреевское» — непостижимое и парадоксальное, как и во всем, к чему прикасался этот *редкий* художник — неповторимый в своих странных фантазиях и — «достаточно мужественный в своих поисках истины» (*М. Горький*).